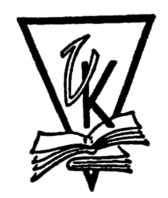
ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

Избранные стихи

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

Избранные стихи

Издательство книжного магазина Victor Kamkin, Inc.
Вашингтон
1963

Оптово-розничное русское книжное дело
в С. Ш. А.

Victor Kamkin, Inc.
Bookstores
2902-2906 14th Street N. W.
Washington 9, D. C.

Fremdsprachendruckerei Dr. Peter Belej, München 13

В это собрание вошли стихотворения из книг: «Лучший звук», «Бессонница», «На ветру», «Странствие земное» (некоторые в переработаном виде) и новые.

I

Бьет полночь. Все люди уснули,
В лесу и в горах тишина.
Глубокою ночью, в июле,
На небо смотрю из окна.

Высокие, синие звезды,
Мерцание дальних миров,
Высокий торжественный воздух,
Невидимый Божий покров.

И счастье и мир надо мною,
Но чем успокоиться мне —
Природой?.. А сердце земное,
Как грешник, горит на огне.

Утром, в ослепительном сиянье,
Ночью, при мерцающей луне,
Дальний отблеск, смутное сознанье
Вдруг становится доступным мне.

«Господи, — твержу я, — как случайны
Те слова, в которых благодать,
Господи, прошу, нездешней тайны
Никогда не дай мне разгадать.

Не хочу последнего ответа,
Страшно мне принять твои лучи,
Бабочка, ослепшая от света,
Погибает в пламени свечи».

Поэт рассказал в изумленье
Про музыку сфер голубых,
Про ангела чудное пенье
В безбрежных просторах ночных.

Есть в каждом из нас эти звуки
И отблески райского сна;
Нам в горе, в болезни, в разлуке
Небесная сладость дана.

Среди расцветанья и тленья,
Весною, при бледной луне,
Былинки ничтожной движенье
Понятным становится мне.

К чему на земле это чудо?
Не лучше ль остаться глухим?
Но музыка льется оттуда
И жертвенный стелется дым.

В прошлые дни
Счастья, молодости и печали
Вечером, в сумерках летних, огни
Вдоль зеленых витрин расцветали.

И под легким туманом, под мелким дождем,
Под шуршанье шагов беспокойных прохожих,
Возникали дома фантастическим сном,
Строем стен ни на что не похожих.

И в бессмысленном мире для нас, милый друг,
Замыкался сияющий радостный круг,
О котором — глаза, выраженье лица, —
О котором нельзя рассказать до конца.

Выйду в поле. На шоссе все то же.
Изредка мелькнет велосипед.
Вновь такой же, со вчерашним схожий,
Вечер, полумрак и полусвет.

Фонари автомобилей, звезды,
Грусть о тех, которых не вернуть,
Тихий и прозрачный летний воздух
И кремнистый лермонтовский путь.

Снится мне: за грани туч прекрасных,
За ограды всех миров иных,
Музыкой таинственной и страстной
Ввысь летит дыхание земных

И, росой вечерней ниспадая
На траву и пыльные кусты,
Хрупкой влагой, не достигнув рая,
Падает на землю с высоты.

РОМАНТИКА

1

Когда мы счастия не ждали,
Любовь нечаянно пришла
И огорченья и печали
Гирляндой роз перевила.

Мир озарился новым светом,
Прохладная дохнула тень,
И всем таинственным приметам
Счастливый улыбнулся день.

Пел соловей в кустах сирени,
Пар поднимался от земли,
Когда, средь радостных видений,
Дорожкой мы садовой шли.

И ты, лицо свое склоняя
К плечу любимого тобой,
Казалась мне виденьем рая
Средь нежной прелести земной.

2

Наклонялась ты, сплетая
Свой венок из васильков,
В летнем небе мчалась стая
Белоснежных облаков.

Рожь высокая шумела,
Ивы гнулись у реки,
И во ржи движенья белой,
Нежной девичьей руки,

Локон, платье голубое,
Шеи девственный наклон —
Все, что связано с тобою,
Все, во что я так влюблен.

3

Тени темные роняют
Тополя, листвой дрожа,
Гулко в доску ударяют
За оградой сторожа.

И холодный вихрь осенний
Пожелтевшие листы
Рвет с ветвей средь темноты
И кружит, как привиденья.

4

Выйдем ночью на дорогу:
Осень поздняя в саду,
Зверь залег в свою берлогу,
Рыба спряталась в пруду.

Скучно, страшно до рассвета —
Кто там ходит под окном?
Далеко умчалось лето
На коне на вороном.

Но, часов покорен бою,
Милую целуя прядь,
Я люблю вдвоем с тобою
Звукам осени внимать.

5

Под летящий к нам из сада
Ветра снежного напев,
Я прочту тебе балладу
Про «Двенадцать спящих дев».

На дворе мороз веселый,
И, как войско на врага,
Белый рой снежинок-пчелок
Вьюга сыплет на снега.

В мире мы нашли друг друга,
Нашей общею судьбой,
Милая моя подруга,
Связан я навек с тобой.

И горят для счастья свечи,
Словно звезды за окном.
Я твои целую плечи
Под надушенным платком.

Поднимается ветер сухой и холодный,
Листьев желтые груды шуршат, как прибой,
По асфальту скользя, и над пропастью водной
Наклоняется к озеру тополь сухой.

Осень, осень, любимое время поэта,
Догоранье над городом смутной зари,
Запах яблок и кофе, мерцание света,
В полутьме и в тумане вверху фонари.

Я люблю, по-парижски закутавши шею
Черным, в крапинках, шарфом, без цели идти
Вдоль опавшего парка, где бледные феи,
Улыбаясь прохожим, стоят на пути.

Я смотрю, как прекрасны старинные зданья —
Романтический, прошлого века наряд,
Я читаю в них отблеск любви и страданья,
Повторяя чужую строфу наугад.

Тут Верлен проходил. Здесь Леконт жил когда-то;
Жизнь становится сном, все как будто во сне,
А над крышами, в небе, как черная вата,
Тучи медленно движутся к сонной луне.

Помолимся о том, кто в тьме ночной
Клянет себя, клянет свой труд дневной,
Обиды вспоминает, униженья,
В постели жесткой лежа без движенья,
И перед ним два призрачных пятна —
Окно закрытое и серая стена . . .
Вольнее нет обиды — униженья.

Помолимся о том, кто в час забвенья
И отдыха, без отдыха, без сна,
Всю ночь, перед бутылкою вина,
Над белой незапятнанной бумагой
Склоняется и дышит грустной влагой
Морей незримых, слышит шум времен:
Пусть к небу темное лицо поднимет он,
Пусть свет увидит он, пусть будет так, как надо.

Помолимся о том, кто у ограды
Иль в опустевшем доме у окна
Предчувствует, что не придет она.
Еще помолимся мы о страданье,
О радостях, о горе, о желанье,
О звездах, о Венере, о Луне,
О грешниках, пылающих в огне,

Помолимся о подлых и преступных,
О нераскаянных и неприступных,
О самых гордых гордостью земной.

Но как молиться о душе такой,
Ни с кем в своем несчастье несравнимой,
О том, кто знает, что в глазах любимой
Безвыходная скрыта пустота,
Кто мог бы все — и заградил уста? —
Такое горе неисповедимо.

ПСИХЕЯ

1

Когда ты на землю летела,
Полетом и счастьем горда,
Вечернее небо темнело,
В реке замерзала вода.

И сдержанность музыки пленной,
Что в звездах звучала тебе,
И ропот стихий вдохновенный
В твоей отразились судьбе.

Ищи же разгадку несчастья,
Не плачь и не спрашивай нас,
Не надо ни мира, ни счастья
В последний оставшийся час!

2

Ах, эта сказка так известна
И столько раз повторена:
«В земном кругу, скупом и тесном,
В тюрьме душа заключена».

Но, может быть, не униженье,
А весть блаженная земле
Твое чудесное сниженье,
Твое скитание во мгле?

Скользи же странницей слепою,
Лети сюда под темный свод,
Где звезды радостной толпою
Сестры приветствуют полет.

3

Про самую скрытую тайну
Случайно мы все узнаем,
Во сне узнаем мы случайно
Преданье о мире ином.

Полна несказанного знанья,
Блаженным волненьем дыша,
Вся — радость, вся — слух, вся — желанье,
На родине снова душа.

Но счастья и памяти странной
Лишь отблеск она унесет,
В земные печальные страны
Обратный свершая полет.

Наутро, почти без сознанья,
Психея проснется темна
И в зеркало мира — страданье —
Глядит с удивленьем она.

Заката осеннего свежесть,
Высокие облака.
На камне оставила нежность
Твоя дорогая рука.

И, кажется, все просветлело
От счастья и теплоты,
Пока, улыбаясь, смотрела
На небо вечернее ты.

Далекие темные горы
Осенний закат осветил
И вечер тяжелые шторы
Над нашим окном опустил.

В сиянии лунном нетленном,
В глубоком покое ночном
Усни — бесконечно-блаженным,
Чудесно-беспамятным сном.

Прощается лето с тобою,
В реке замерзает вода,
А там, над звездой голубою,
Другая зажжется звезда.

Отплывающие корабли,
Уносящиеся поезда,
Остающиеся вдали,
Покидаемые навсегда!

Знак прощанья — белый платок,
Замирающий взмах руки,
Шум колес, последний свисток —
Берега уже далеки.

Не видать совсем берегов;
Отрываясь от них, посмей
Полюбить — если можешь — врагов,
Позабыть — если можешь — друзей.

Выхожу на дорогу с тобою,
Милый друг мой, мы вместе идем.
Плачет ветер, подобно гобою,
Туча вновь угрожает дождем.

Под таинственным небом деревья
Спят в тумане, и сон их глубок,
Сон их — древность, костры и кочевья,
Дальний путь и тропа на восток.

Вот, лицо к твоему приближая,
Слышу ветра каспийского звон,
Вот, земля зацветает чужая
Пестрым станом шатров и знамен.

А вокруг — тишина полевая.
Сядем тут, над ручьем, у креста.
В летний вечер вода ключевая
Так прозрачна, легка и чиста.

Елене Рубисовой

Был ангел послан эту душу взять
И в небо унести ее опять,
В страну, где нет печали и страданья.
И ангел тенью пал на мирозданье,
И умер я и перестал дышать.

Тогда водитель-дух, с заботой нежной,
Крылом закрыл любезный мне порог
Земли — всей красоты ее безбрежной,
Которую велел покинуть Бог,
Порог земли, прекрасной и мятежной.

Безмолвие, простор и тишина
Сменили шум встревоженной вселенной,
И медленно, с ресниц, земного сна,
Теснима слепотою вдохновенной,
За пеленой спадала пелена.

Сказал мне ангел: «Волей вечной Силы,
Здесь — область тени, той, что разделила
Земные и небесные дела . . .»

— «О, неужели смерть — такая мгла?»
— «Преддверие».
Но темнота слепила.

И ринулись мы в темноту, и вдруг
Краса иных миров глазам предстала;
Я сделался весь зрение и слух,
А вестник смерти, вечный, верный друг,
Последнее откинул покрывало...

Все — только сон — и никого вокруг.

Аглаиде Шиманской

ЛАСТОЧКА

Ласточка нежная носится, носится
В воздухе светлом вечером летним,
Кружится в небе, стрелою проносится
Над колокольней тысячелетней.

Колокол медный, колокол древний
Дня окончанье нам возвещает.
Тихо над Сеной. Пахнет деревней,
Свежей травою, сеном и маем.

Черная ласточка с белою шейкой,
Как хороша ты сейчас такая:
Падаешь низко, скользишь над скамейкой,
В небо опять беззаботно взлетая.

Вестница счастья, вестница лета,
Вестница вечера, друг созерцателя,
Стань мне подругой вечернего света,
Нежной сестрой в небесах у Создателя.

КОТ

Ленивый, ласковый, пушистый,
Глядит, прищурившись на свет,
Зеленоглазый, серебристый
Любимец неги и поэт.

Упруго тело выгибая,
Встает с ковра, выходит в сад:
Ему тропинка — сень лесная,
Иль благодатный вертоград.

Припал, тревожим тенью птичьей,
В траве — и вот передо мной
Природы древнее величье,
Чудовищ допотопных бой,

Тоска потерянного рая,
Глухие жалобы Творцу,
А кот, концом хвоста виляя,
Лукаво крадется к скворцу.

Софии Прегель

Несется в пустоте Земля,
Кружась, в пространстве звезды мчатся, —
Как восхитительно качаться
Цветку на высоте стебля!

Подобный огненному чуду,
Горит над Альпами восход.
Пастух, пришедший с гор оттуда,
Над светлым озером поет.

Счастливое существованье,
Рай, данный нам, рай милый наш!
Певец, о нем воспоминанья
Ты, все равно, не передашь.

Но этот голос на восходе —
Все звонче, все прозрачней он.
Какая тишина в природе,
Как озарился небосклон!

Л. Л. Домгеру

ПАНТИКАПЕЯ

(город Керчь)

Сияющая, мраморная, в воду
Нисходит пристань кругом, как венец.
Привязанные лодки на свободу,
Качаясь, рвутся с бронзовых колец.

Вверху амфитеатром синим горы
Теснятся в небо, и Тезеев храм
Готов принять процессии и хоры,
Идущие к аттическим богам.

Эллада в скалах Таврии нетленна,
И корни лоз и рыба в глубине,
Забывши обо всем, что современно,
Классической покорствуют весне.

Пантикапея древняя, тебе ли
Я песнь размером варварским пою
В стране, где грек, играя на свирели,
Умел прославить родину свою.

В доме тишина глухая.
Не могу забыться сном.
Сколько гроз в начале мая
Прошумело за окном.

Сколько листьев вновь упало
Поздней осенью в саду.
Каждый год весну встречало
Сердце, чувствуя беду.

Сердце билось, замирая
От такой же тишины,
Каждый год не доверяя
Обещаниям весны.

Сияет огнями Париж,
Кончается нежное лето,
Луна над квадратами крыш
Ослепла от яркого света.

Все то же: шуршание шин,
Автобусов грузных стремленье,
Прямых быстроходных машин
Холодное щучье скольженье.

В Полях Елисейских, в раю,
Во сне золотом и хрустальном,
Свое я с трудом узнаю
Лицо в отраженье зеркальном.

А тучи идут и идут,
Как талые снежные хлопья,
И в ярости небо метут
Прожекторов острые копья.

По утрам читаю Гомера —
И взлетает мяч Навзикаи,
И синеют верхушки деревьев
Над скалистым берегом моря,
Над кремнистой узкой дорогой,
Над движеньями смуглых рук.

А потом выхожу я в город,
Где, звеня, пролетают трамваи,
И вдоль клумб Люксембургского сада
Не спеша и бесцельно иду.
Есть в такие минуты чувство
Одиночества и покоя,
Созерцания и тишины.
Солнце, зелень, высокое небо,
От жары колеблется воздух,
И как будто бы все свершилось
На земле, и лишь по привычке
Люди движутся, любят, верят,
Ждут чего-то, хотят утешенья,
И не знают, что главное — было,

Что давно уж Архангел Божий
Над часами каменной башни
Опустился — и вылилась чаша
Прошлых, будущих и небывших
Слез, вражды, обид и страстей,
Дел жестоких и милосердных,
И таких же, на полуслове,
Словно плеск в глубоком колодце,
Обрывающихся стихов . . .

Полдень. Время остановилось.
Солнце жжет, волны бьются о берег.
Где теперь ты живешь, Навзикая? —
Мяч твой катится по траве.

Господи, Господи, Ты ли
Проходил, усталый, стократ
Вечером, в облаке пыли,
Мимо этих низких оград.

И на пир в галилейской Кане
Между юношей, между жен
Ты входил, не огнем страданья,
А сиянием окружен.

В час, когда я сердцем с Тобою
И на ближних зла не таю,
Небо чистое, голубое
Вижу я, как будто в раю.

В черный день болезни и горя
Мой горячий лоб освежит
Воздух с берега дальнего моря
Где доныне Твой след лежит.

И когда забываю Бога
В темном мире злобы и лжи,
Мне спасенье — эта дорога
Средь полей колосящейся ржи.

Уметь молиться, верить и любить,
Найти слова, спокойные, простые,
Быть искренним — нельзя. Нам страшно жить.
Неправедные, ко всему глухие,

В пустынном мире, пред пустым окном,
Ночами, в свете безысходном, ложном,
Тревожимые внутренним огнем,
И ты и я, всегда о невозможном

Зачем мечтаем мы, сестра моя?
Стучат шаги. Над городом печальным
Миры — иерархия бытия —
Немые звезды. В ларчике хрустальном

Ключ счастья спрятан где-то на луне,
Багдадский вор несется на Пегасе
По облакам за кладом. Если б мне!
— Что даст нам счастье? В каждом нашем часе,

В минуте каждой места нет ему,
И в жизни нет спасенья, нет покоя.
Идти сквозь одиночество и тьму
Домой — ты знаешь, что это такое.

Когда нас горе поражает,
Чем больше горе — в глубине
Упрямой радостью сияет
Душа, пронзенная извне.

Есть в гибели двойное чудо:
Над бездной, стоя на краю,
Предчувствовать уже оттуда
Свободу новую свою.

Вот почему мне жизни мало,
Вот почему в те дни, когда
Все кончено и все пропало,
Когда я проклят навсегда,

В час, в трудный час изнеможенья,
Мне в сердце хлынет тишина —
И грозным светом вдохновенья
Душа на миг озарена.

Чтоб все распалось — в прах и без следа,
Чтоб все рассыпалось, испепелилось,
Чтоб океана хлынула вода
И, бешеная, в бешенстве кружилась,

С лица земли смывая Вавилон,
Воздвигнутый безумством поколений,
Чтоб в атомы был глобус превращен,
В мельчайшие дробления дроблений, —

О, как хочу я, в ярости и зле,
Чтоб не было спасенья на земле!

К. В. Мочульскому

Стыдно, Господи, и трудно мне
Всюду — на земле и под землей,
В воздухе, на горной вышине —
Настигаешь Ты, Владыка мой.

Всюду, неотступно, каждый день,
Всюду, где дышу и где живу,
Падает Твоя мне в сердце тень,
Словно тень от дерева в траву.

И когда увижу тень Твою,
Сердце бьется, и темно в глазах,
Спрашиваешь Ты, а я таю
Все мое смущение и страх.

Оттого, что я упрям и зол,
Оттого, что нерадив и глух,
Оттого, что враг в меня вошел,
Плоть растлил и расточил мой дух.

Оттого, что я не смел любить
И молиться в церкви не умел,
Оттого, что так хотел я жить,
Праздно, своевольно жить хотел,

Руку подающую отверг,
И боялся и не мог страдать, —
Страшно перейти из века в век,
Страшно на суде Твоем предстать.

В страхе поднимаю я глаза —
Темен мне и нестерпим Твой вид —
Раненая дикая коза
Так в лицо охотнику глядит.

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

Полевые птицы прилетали,
На лугах, среди цветущих нив,
Пели, хлеб сухой из рук клевали,
Тенью крыльев странника укрыв.

Шел он, странный, весь пронзенный слухом,
Весь пронизанный теплом лучей,
Самый светлый, самый нищий духом,
Самый вдохновенный из людей.

Молимся: «Святой Франциск, помилуй.
Слышишь ли? Придешь ли?» И в ответ
Дуновенье ветра, счастье, сила,
Радость, солнце, музыка и свет.

Спрашивает: «Ты ли это, милый,
Ангел, что тогда ко мне слетел,
Птица ль, что рука моя кормила,
Волк ли тот, что съесть меня хотел?»

Божий мастер написал святого
Ранним утром средь холмов и вод;
Сколько нужно цвета золотого,
Чтоб представить солнечный восход,

Сколько было нужно краски синей,
Чтобы глубь небес изобразить;
Кущи олеандров и глициний
Он был должен четко оттенить,

Сделать луг — зеленым, маки — красным,
Скалы тронуть розовым, и сметь
В этом мире, грешном и пристрастном,
Кротость и любовь запечатлеть.

Почему я не убит, как братья —
Я бы слышал грохот пред концом,
Я лежал бы в запыленном платье
С бледным и торжественным лицом.

Кровь ручьем бы на траву стекала
И, краснея на сухой траве,
Преломляла бы и отражала
Солнце в бесконечной синеве.

Я молчал бы, и в молчанье этом
Был бы смысл, значительней, важней
Неба, блещущего ясным светом,
Гор и океанов и морей.

Бог сказал бы: «Вот лежит, убитый,
В грудь принявший легкий лет свинца,
Сын мой младший на земле забытый,
Преданный и верный до конца».

И лежал бы я среди бурьяна,
Звезды б разгорались в тишине,
Падала б роса, и средь тумана
Страшно было б и спокойно мне.

Довиду Кнуту

Латинский строй и плющ и виноград,
В уступах стен заржавленные звенья,
Развалины старинных колоннад,
Прямые островерхие строенья

Открыли мне не романтизм, о нет:
Тут с памятью воображенье слито —
Горит свеча — и на ладони свет,
И на ладони будущее скрыто.

Мне не понять его, не прочитать!
Звонят к вечерне. Грустно без причины.
Лампада веры теплится опять
В притворе пресвятой Екатерины.

А колокол, весь в зелени, поет —
О чем — не знает, и звонарь не знает;
Никто в пустую церковь не войдет,
И над оградой голуби летают.

В городской парижской больнице
Ты в январский день умерла.
Опустила сиделка ресницы,
Постояла — и прочь пошла

Из палаты, чтоб доктор дежурный
Смерть отметил. А день за окном
Был сухой, холодный и бурный.
С неподвижным прекрасным лицом

На кровати под одеялом
Ты лежала. И горе вошло
В наше сердце. В лесу за вокзалом
Много снега за ночь намело.

Гроб сосновый с трудом сносили
По обмерзшим ступеням. И вот
Все как прежде. Похоронили.
День за днем, год за годом идет.

Нет больше ни сил, ни желанья,
Все прошлое стало чужим,
Темнеют вечерние зданья,
Над крышами стелется дым.

В душе так торжественно пусто,
Светло и просторно кругом;
Сегодня слова Златоуста
Мы в книге старинной прочтем.

Сегодня хочу усладиться
Печалью размеренных строк.
Осеннее солнце садится,
Летят журавли на восток.

ИЗОЛЬДА

Изольда, доносится зов приглушенный,
Сквозь море, сквозь вечность и холод и тьму.
Нечаянно выпит, пажом поднесенный,
Любовный напиток — проклятье ему!

Средь горных провалов и водной пустыни,
Под грохот прибоя, под шелест дубов,
Бретонские барды прославят отныне
Несчастье твое до скончанья веков.

Изольда, ты слышишь: навеки, навеки
Печальная повесть о жизни земной:
Два имени будут, как горные реки,
Сливаться в один океан ледяной.

Лицо, что светило средь бури и мрака,
Кольцо, что тонуло в кипящей воде,
И грех и позор оскверненного брака
Сам Бог покрывает на Божьем суде.

Молись, но молитва не справится с горем,
Вино пролилось — колдовская струя —
И тяжестью черной темнеет над морем
Наш гроб, наш чертог — роковая ладья.

ТРИСТАН

Другом был океан, стал навеки преградою он,
Бездной сделался он, стеной крепостной между нами.
Слышишь: колокол в церкви — похоронный звон,
Видишь — свечей восковых высокое пламя.

Это приснилось нам: шелковый брачный навес,
Дом короля, дерзость встреч беззаконных,
Волосы золотые, сиянье лица и лес,
Блужданье вдвоем в лесу в тех чащах зеленых.

Бретань! Камни, воздух, деревья, вода —
Вы пронизаны светом, а я умираю.
Раны снова открылись. Не уйти от суда . . .
Это — все, жизнь кончается. Нашему раю,

Снам и счастью, свободе и воле пришла
Роковая проверка. Навстречу туману
Вырастает со дна океана немая скала,
Что потом назовут «Скалою Тристана».

Нет, Изольда, напрасно ты спешишь океан переплыть!
Ветви розы в цвету оплетут две могилы в аббатстве,
И в веках перевьется преданья жемчужная нить
О любви, о разлуке, о горе, о браке, о братстве.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЭТЫ

П. ВЕРЛЕН

Как в пригороде под мостом река
Несет в своем замедленном теченье
Смесь городских отбросов и песка
И солнечного света отраженье, —

Так наше сердце гибнет каждый час,
И ропщет плоть и просит подаянья,
Чтоб Ты сошла и облачила нас
В достойное бессмертных одеянье...

— Свершилось. Осенило. Снизошло.
Он слышит шум шагов твоих, Мария,
А за окном на мутное стекло,
Блестя, ложатся капли дождевые.

И голова горит в огне, в жару
От музыки, от счастья, от похмелья.
На улицу, под ливень, поутру
Куда-нибудь на свет из подземелья.

По лестнице спешит, шатаясь, он —
Как выдержать такое вдохновенье!
Светает. Над рекой несется звон,
Из церкви слышатся орган и пенье.

АРТЮР РЕМБО

Неукротимый пасынок Вийона —
Испачканный костюм, пух в волосах,
Он гений и безумец — вне закона,
Но ангелам сродни на небесах.

Под звон тарелок в кабаке убогом
Дешевый ужин с другом, а потом
Стихи — пред вечно пьяным полубогом,
Закутанным в дырявое пальто.

И ширится сквозь переулок грязный
Простор, и вот, среди хрустальных вод,
Качается в такт музыки бессвязной
На «Захмелевшем бриге» мореход.

Но, заблудившись в лондонском тумане,
В своем кромешном творческом аду,
Он был внезапно в сердце тайно ранен,
Видением, явившемся ему.

Ослеп, оглох — и с гордостью, с презреньем
Сам свой полет небесный оборвал,
Простился с музыкой и вдохновеньем
И навсегда купцом безвестным стал.

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

«Чахотка ныне гения удел!
В окно больницы льется свет потоком,
День, может быть, последний, догорел,
Но ангел пел нам голосом высоким.

Блуждали звезды в стройной тишине,
Часы в палате медленно стучали.
Лежать я буду: солнце на стене,
На белой койке и на одеяле.

Я в этом пыльном городе умру,
Вдруг крылья опущу и вдруг устану,
Раскинусь черным лебедем в жару,
Пусть смерть в дверях, но я с постели встану:

Я двигаюсь, я счастлив, я люблю,
Я вижу ангела, я умираю,
Я мысли, как корабль вслед кораблю,
В пространство без надежды отправляю.

Вот солнцем освещенный влажный луг,
Вот шелест веток, паруса движенье...
Поэт очнулся. Он глядит — вокруг
Коляски, шум. Сегодня воскресенье.

Цветут каштаны — о, живой поток!
Цветут акации — о, цвет любимый!
Он шел, он торопился на урок,
Озлобленный, усталый, нелюдимый,

Остановился где-то сам не свой —
Дух дышит там, где хочет и где знает —
Какая тема странная: больной
В общественной больнице умирает.

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

Мир — стройная система, а разлив
Неукрощенных слов доступен многим.
Поэт лишь тот, кто, чувства покорив,
Умеет быть взыскательным и строгим.

Перчатки, отвороты сюртука
И властный профиль — мне таким он снится.
Был сдержанным: спокойствие песка,
В котором бешеный самум таится.

Торжественный, надменный и прямой —
Прямые линии присущи силе, —
Был одинок, везде и всем чужой,
Склонялись перед ним, но не любили.

Он говорил: «Сверхличным стань, поэт,
Будь верным зеркалом и тьмы и света,
Будь тверд как сталь, когда опоры нет,
Ищи в других не отзвука — ответа.

И мир для подвигов откроется, он твой,
Твоими станут звери, люди, боги.
Вот мой завет: пойми верховный строй
Геометрично-стройный, четкий, строгий».

НА МОТИВЫ ХАГАНИ

I. ЛУЧШИЙ ЗВУК

Хороши все звуки земли
Но лучший звук —
Верблюжий колокольчик
Во время ночного пути
В пустыне.

Раскачиваясь, идут верблюды.
Впереди вожак — нэр.
В его колоколе
Вместо языка
Подвешена человечья берцовая кость.

Туман.

Как будто мы идем по горной тропе
Над селеньями, лежащими далеко в долине.

Глухо бьет берцовая кость.
Наверху тучи укрыли небо.

Я припоминаю все звуки, которыми цветет жизнь.

Темнота.

В живую медь колокольчика
Бьет мертвая берцовая кость.

II. В МЕККУ

Не просить у Бога,
Не благодарить Бога,
Но с покаянием
Путешествовать.

Звезды
Вытканы ночью,
Как мысли человека.
При свете луны
Белеют чьи-то кости,
Разбросанные по сторонам дороги.

Как самую тончайшую ткань,
Увешанную серебряными подвесками,
Бог сотворил мир.
И когда
В первый раз
Он встряхнул ризу —
Зазвучала вселенная
Великой музыкой мира.

Ветер зашелестел по полю;
Заколыхались белые кости.

Хорошо
Ночью идти
По пути в Мекку:

Не просить у Бога,
Не благодарить Бога,
Но с покаянием
Путешествовать.

III. КОФЕЙНЯ

Какой кофе вкуснее:
В этой кофейне,
Или тот, что готовят на нашей родине?

Персия славится коврами,
А пятна солнца
На мостовой, около кофейни,
Разве не лучше?

Музыка:
Играет на чашках захожий фокусник.
В другом углу
Сколько разговоров
О султане, о его политике,
Как много слов
Об успехе сегодняшнего базара!

Милые!
Люди не лучше, чем пыль на солнце;

Но отчего
Сегодня
Вспомнил я
Голоса, близкие сердцу:
Матери, друзей, возлюбленных . . .
И последний вздох
Умирающего отца . . .

Мне в юности казалось, что стихи
Дар легкий и прекрасный. В сменах года,
Весны и лета, в звездах, в силе ветра,
В прибое волн морских — везде, во всем
Создателя пречистое дыханье,
Высокий строй Его, и счастлив тот
И праведен, кому дано от Бога
Быть на земле поэтом...
— Горький дар,
Скажу теперь. Я ничего не знаю —
Ни ближнего, ни Бога, ни себя,
Не знаю цели, а призванье это
Безумие, быть может.
О, когда б
Нашел я силу до конца поверить,
О, если б мог я, если бы сумел
Отвергнуть суету, уйти в пустыню,
Туда, где в первозданной простоте
Сомненью наше чувство неподвластно,
Где наша мысль осквернена не будет
Тщеславием безплодным, где любовь,
Как высота нагорняя, от века

Для чистых сердцем, для любимых Богом,
Для верных навсегда утверждена.
И вот, опустошен, в который раз
Смотрю на небо летнее ночное
Над улицей. Пустынно и темно.
Прозрачен воздух. Сыростью и тленьем
Из парка веет. Спят мои враги,
Спят и друзья. Сияют ярко звезды.

ЛЮБОВЬ

Вдруг темнота — приходит ненастье,
Вдруг восходит луна в сентябрьскую ночь,
Бессмысленно так же, как бессмысленно счастье,
Ничего нельзя, ничем не помочь!

Любовь! Срываются вдруг народы
Вслед за Еленой, Троя в огне,
Меч бьет о меч, кровью красятся воды,
Голуби летят в вышине.

Сквозь тысячи лет, сквозь стены преданий
Как мне пробиться, чтоб только свое
Узнать, проверить? — Любовь и страданье,
Смерть и любовь — одно острие.

Смерти и тленья в гробу страшнее
Встреча вновь, через несколько лет.
«Эта?» — Что ей сказать, не краснея,
Когда сердцем сразу найден ответ?

«Эта?»... Иль все — только бред бессвязный,
Привычка и поза, обман, расчет,
И Гамлет наступит на безобразный
Пожелтевший череп. Время течет.

«Любовь — это миг упоительный. Розы
Цветут на морозе, румянец горит,
Сияют огни, туманятся грезы»,
Снег сверкающий стелется на гранит.

Наталья Гончарова, с вашими чарами!..
Лопухина, в ваш блистательный круг!..
Эльбрус дымится. Северными Стожарами
Весь горизонт освещается вдруг.

Разве не удивительно, разве не человечно? —
И он, и такой, был слаб и слеп,
Был, как мы... Так делалось вечно, вечно.
Это — гроб Абеляра, это — Джульетты склеп,

Это — Сократ на «Пире», что с Диотимой решали
И ничего не решили, и спор их начнем мы вновь
О том, что выше счастья, добра, печали —
Любовь.

С. К. Маковскому

В колодец с влагой ледяной,
В глубокий сон воды безмолвной,
Осколок, брошенный тобой,
Врывается, движенья полный.

Он с плеском падает глухим,
Сверкает вихрем брызг летящих,
И гладь, разорванная им,
В кругах расходится блестящих,

Вскипает звонкою волной.
Но истощается движенье,
И на поверхности покой
Сменяет гневное круженье.

А там, на самой глубине,
Куда ушло волны начало,
На каменном упругом дне
Она еще не отзвучала

И не исчезла без следа.
И долго, затаив дыханье,
Обиды не простит вода
В суровом холоде молчанья.

Мне снилось: я под дулом пистолета;
У самого лица холодный ствол.
В подвал врывался терпкий запах лета,
В висках стучало, колыхался пол.

Вот — затряслось. Вот — в сторону рвануло.
Подбросил ветер волосы мои,
Качнулся череп, тело вниз скользнуло,
Как сброшенная чешуя змеи;

Расстрелянное трепетало тело,
Хлестала кровь из черного виска,
А я летел... и, вся в огнях, летела
Навстречу вечность в дыры потолка.

В Финляндии, где ездят на санях,
В стране суровой снега и гранита,
В стране озер . . . Нет, только снежный прах
Слепит глаза мне. Навсегда забыты
И монастырь, и звезды без числа
Над темным лесом. В городе далеком
Колокола звонят, колокола —
Не над московским, варварским Востоком
Серебряный средневековый звон
Колеблющийся воздух раздвигает.
Не надо смерти, гробовых имен,
Сегодня Библия меня пугает
Безмерным, трудным вымыслом своим,
Тысячелетним бредом. Нет, не надо.
Я потерял мой путь в Ерусалим:
Жестокий страж пасет людское стадо,
Века летят, летит по ветру пыль,
Шумит судьбы кустарник низкорослый . . .
Давно завял и вырос вновь ковыль
В скалистой Таврии, где мальчиком, как взрослый,
С Горацием и Пушкиным в руках
Сидел я на кургане утром ранним.
Еще неясные, еще в тумане,
В чуть намечавшейся душе моей
Я смутные предвидел очертанья,
Сын Запада, таврических степей
Я раннее узнал очарованье.

Незримая Италия моя
Над крымскими витала берегами;
Через века к ней возвращался я;
В степи с украинскими казаками
Я дикость вольную переживал,
Я верил в духов, страшных и чудесных,
Бродя осенним вечером меж скал.
Порою я касался тайн небесных,
Теней потусторонних бытия,
Видений без конца и без начала.
Порою, вечером, сестра моя
Играла на рояли. Ночь молчала.
И, как снежинки, бурей ледяной,
Потоком звуков целый мир нездешний
Вдруг прорывался, был передо мной.

Тихим светом, ясным светом
Комната озарена.
Тень от кресла над паркетом,
Тень от шторы у окна.

В этой комнате так много
Пролетело трудных лет.
Суждено нам было Богом
Полюбить вечерний свет.

Но и здесь твой милый локон
Легче и воздушней сна,
И зимой из темных окон
Смотрит на меня весна.

Каким скупым и беспощадным светом
Отмечены гонимые судьбой,
Непризнанные критикой поэты —
И Анненский, поэт любимый мой.

О, сколько раз в молчанье скучной ночи
Смотрел он, тот, который лучше всех,
На рукопись, на ряд ненужных строчек,
Без всяческой надежды на успех.

Нам так мучительно читать, с какою
Любезностью, став с веком наравне,
Он прославлял восторженной статьею
Баяна, что гремел по всей стране,

И шел в тот парк, где муз следы святые
И память прошлого хранила мгла,
А будущая музыка России
Его и Блока с нежностью ждала.

Ирине Одоевцевой

В содружество тайное с нами
Вступают вода и земля,
Заката лиловое пламя
Ложится на борт корабля.

Весь белый, дымя на просторе,
Он к пристани дальней плывет,
А здесь — только небо и море
И ветра высокий полет.

Прибрежные скалы лаская,
Взлетает волна за волной,
И синяя мудрость морская
Небесной полна глубиной.

Здесь ничто, ничто не вечно,
Все проходит, все пройдет,
Счастью, юности беспечной
Тоже гибель настает.

Как утешиться — не знаю,
Но зачем-то нам дана
Эта музыка земная,
Эта новая весна.

Налетает вдохновенье,
Настигает налегке,
И волной смывает пенье,
Словно надпись на песке.

Тянет свежестью и медом
Из раскрытого окна.
Для чего нужна свобода,
Если кончилась весна?

Дождик брызжет на ступени,
Ручейком в траве скользя,
Счастье вьется легкой тенью,
А догнать его нельзя.

Сохрани на память, милая,
Мой платочек голубой.
Реет сила шестокрылая
Над тобой и надо мной.

Ветки свесились зеленые,
Тень ложится с высоты
На парижские хваленые
Храмы, арки и мосты.

На чужбине — много надо ли?
Стань поближе, не грусти,
Чтобы слезы вновь не падали,
Прошлому скажи: «прости».

Бог послать тебе захочет
Счастье, милая моя.
Незачем так мять платочек,
Теребить его края.

С озаренного востока
В ширь раскрытого окна
Свет вливается потоком,
Дышит и шумит весна.

Господи, какая сила
В этом возвращенье дней,
В сменах года легкокрылых,
В ясной осени моей.

Я вдыхаю грудью полной,
С благодарностью всему,
Этот воздух, эти волны,
Побеждающие тьму.

Друг, мне грустно оттого же,
Отчего и ты грустишь.
День, на прошлый день похожий,
Серый будничный Париж.

На дворе темно и сыро.
Осень. Лужи у крыльца —
Скука от начала мира
И до самого конца.

В. В. Савицкой

Парк расцветающий, весенний,
В пруду глубоком отражен;
Мерцаньем призрачных растений
Взор лебедей заворожен.

Какою тайной беззаконной
Вода притягивает их?
Мир подлинный, мир преломленный —
Какой правдивее для них?

Как человеку, белой птице
Даны простор и высота;
Ей пред рассветом та же снится
Земли печальной красота.

Но, созерцая отраженье
Лучей, встающее со дна,
Нам недоступное ученье
О небе черпает она.

Я стою в тишине,
Огоньки, как во сне,
Никого. Одиночество. Ночь.

Никакой красоте,
Никакой высоте,
Ни себе, ни другим не помочь.

И напрасно я жду.
Тучи скрыли звезду,
Свет последний — исчез навек.

В аравийской пустыне, в сибирском снегу,
В шумном городе, дома в семейном кругу
Навсегда одинок человек.

В лес по зеленой горе поднимаются люди.
Синие сосны, коричневый отблеск земли,
Копны в полях, как чеканная надпись на блюде,
Стадо домой возвращается в желтой пыли,

Вся эта роскошь природы и красок веселых,
Словно старинного мастера передо мной полотно,
Взоры ласкает. Вдали, в нарисованных селах,
Тянется кружево крыш и дымков волокно.

Если бы снова увидеть такое виденье!
Вечером, в августе позднем, природа тиха.
Осень. Туман на заре. Петушиное пенье —
Чистый, гордый и радостный крик петуха.

Снова ночь, бессонница пустая,
Час воспоминаний и суда.
Мысли, как разрозненная стая,
В вечность отлетают навсегда.

Полночь бьет. Часы стучат, как прежде,
В комнате таинственная мгла:
Если в сердце места нет надежде,
Все-таки и тень ее светла.

Писать стихи совсем не весело
И отчего так сердцу больно?
Что, Муза, голову повесила
И чем ты снова недовольна?

А соловьи поют по-прежнему
И те же розы и закаты
И тот же след по полю снежному,
Которым все мы шли когда-то.

II

В ДЕНЬ ПОКРОВА

I

Как звезда над снежными полями,
В августе над золотом садов,
В ночь весеннюю над тополями
Русских сел и русских городов

Ты восходишь, наш покров незримый,
Матерь Божия. Любви Твоей
Над землею, некогда любимой,
Милость драгоценную пролей.

Дни проходят, тишиной томимы,
Гибели и смерти нет конца;
Ты, Которой служат серафимы,
Ты, Которой служат все сердца,

Милость ниспошли свою святую,
Молнией к стране моей приди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

II

Только гибель и воспоминанье...
Ясны сумерки. Гроза прошла.
За рекой на дальнем расстоянье
В городе звонят колокола.

Гулкий, смутный звон средневековый.
И, как в детстве, в церкви на стене
Пальцем мне грозит старик суровый
И святой Георгий на коне

Топчет разъяренного дракона.
И звучат в душе, звучат слова —
Строфы покаянного канона
О тщете земного естества,

О бесстрастии, об одоленье
Духа злобы, о грехе моем —
Темном, тайном, данном от рожденья —
Страшно быть с душой своей вдвоем.

. . . .

Раненый, в Ростове, в час бессонный,
На больничной койке, в смертный час,
Тихий, лучший, светлый, примиренный,
До рассвета не смыкая глаз,

Я лежал. Звезда в окно светила.
И, сквозь бред, постель оправить мне,
Женщина чужая подходила,
Ложечкой звенела в тишине.

III

Матерь Божья, сердце всякой твари,
Вечная, святая красота!
Я молюсь лишь о небесном даре,
О любви, которая чиста,

О любви, которая безгрешна,
О любви ко всем и ко всему,
Я молюсь — и снова мрак кромешный
К сердцу приступает моему.

Милость ниспошли свою святую,
Молнией к душе моей приди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

ПОЭМА

1

Зимой в снеговом сугробе,
Прижавшись к чугунным дверям,
Две жизни скрестились — за обе
Ответ Всевышнему дам.

Как в марте и как в июле,
Пятнадцатого января
Все то же: свистящие пули,
Сияющая заря.

И на мостовой без ответа,
В бреду, в темноте, в снегу,
Смешение мрака и света,
Прощание на бегу.

С грохотом бьющие в камень
Осколки вдоль мостовой,
Северных звезд над нами
Свет призрачно-голубой,

И вот пароходу навстречу —
Босфор, берега и поля,
Огни, как пасхальные свечи,
Не русские тополя . . .

2

—«Дано нам: чудное счастье,
Страны и города.
Господь на неравные части
Свои разделил стада.

Одних пасет Он железным
Жезлом и будет пасти,
А детям своим любезным
Открыл иные пути.
Благословенья, проклятья,
Любовь и ненависть там...
Он дал и пищу и платье
И слезы соленые нам;

Но Он окропил нас свободой,
Вывел нас на простор,
Израиль новый, — Исхода
Неугасимый костер».

...В темной комнате глуше,
Долог и труден путь,
Ночью проснешься: слушай,
Прошлого не забудь!

3

— «За что такое нечестье?
Зачем Ты одних увел
В прекрасные земли, за честью,
Где реет прежний орел,

Где в сумрачном мире видений
Вне времени воскрешена
Былая Россия, где тени
И славные имена?

Ты, жнущий незримые нивы,
Что дал России, когда
Степные стремил разливы
В разрушенные города?

Ты слал удар за ударом,
Смертью дышал, свинцом,
Белым вставал пожаром
На западе пред концом,

Ты был в огне Перекопа,
Ты был под Варшавой — и вот
Смятенье, голод, — потопа
И ныне земля твоя ждет».

4

Но падают золотые
Оттуда, с неба, лучи.
Шумят, как прежде, в России
Источники и ключи.

И снег в ноябре ложится
На взрыхленный чернозем,
И зверь полевой и птица
Не ведают ни о чем.

Не знают теперь, какие
Охотники ходят им вслед,
Не знают о том, что — Россия —
Имени больше нет.

Над рельсами и поездами,
Над трактом и полотном,
Над тракторами, бороздами,
Над телегой, крытой рядном,

Все та же сегодня клубится
Довоенная летняя пыль.
Степь таврическая. Жнец и жница.
Пролетающий автомобиль,

Где, с портфелями на коленях,
Партработник в дорожных очках,
Мчит начальством . . .
И ветер на Сене,
Дождь на улицах, на площадях,

Где, чуть свет, что ни день, в непогоду
Жизнь я рву по часам, по гудкам —
Проклинаю мою свободу,
Ничему не кланяюсь там,

Не молюсь, не верю, не вижу,
В темном будущем — и потому
Так люблю я, так ненавижу
И так страшно — близок всему.

Опасаясь беспорядков, Николай I велел срочно перевезти тело Пушкина в Тригорское. В спешке взяли слишком большой гроб, и всю дорогу тело колотилось о стенки гроба.

Сияющий огнями над Невой
Смятенный город — ропот, плач, волненье.
Двух черных троек топот роковой —
О, эти дни, которым нет забвенья!

Фельдъегерь бешено кричит во тьму
Ругательства — усталость, холод, злоба,
А он в гробу колотится: ему
По росту не успели сделать гроба...

И этот стук, России смертный грех,
На нас — на «будущих и бывших» — всех!

КОМАНДАРМ

Командарм под стражей, под замком,
Часовые МВД кругом.

Завтра рано утром повезут
Командарма красного на суд.

— Ты предатель родины и вор,
С заграницей вел ты разговор,

Нам с собакой-Троцким яму рыл,
С мертвым Каменевым ворожил!

И увидел командарм — в дыму, в огне
Как он лихо мчался на коне,

Как он перед строем гарцовал,
Шашкою отмахивал сигнал.

— Помнишь, помнишь синий поезд твой,
Ярко-красный флаг над головой?

Как равнялся конный строй, пыля,
Как гудела и тряслась земля,

Как с плеча рубил ты, разъярясь,
Как поляков втаптывал ты в грязь,

Как для белых наряжали взвод
Вывести их начисто в расход ? . .

— Упадешь ты так же, руки врозь,
С головой простреленной насквозь!

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

I

Воскресный день, сырой и душный.
Что делать мне? Везде тоска,
Свинцово-серый свод воздушный,
Деревья, люди, облака.

Весь мир, как будто поневоле,
Томится в скучном полусне.
Поехать в лес? Поехать в поле?
Теперь все безразлично мне.

II

Еще недавно так шумели
Витии наши обо всем,
Еще недавно «к светлой цели»,
Казалось нам, что мы идем,

Что мы «горим», что вправду «пишем»,
Что «дело нас в России ждет»,
Что «воздухом мы вольным дышим»,
Что мы «в послании» — и вот

Лишь скудное чужое небо,
Чужая чахлая трава
И, словно камень вместо хлеба,
Слова, газетные слова.

III

Я верил в тайное сближенье
Сердец, испытанных в беде,
Я думал — горнее служенье
Дано изгнаннику везде.

Но верность, высшая свобода,
Изменой верных смущена.
— Бессонной ночью, до восхода . . .
Паденье до конца, до дна.

— Лишь пена, что в песке прибрежном
Кипит, несомая волной,
Лишь горы, что виденьем снежным
Вдали стоят передо мной . . .

IV

Без «возвышающих обманов»,
Гостями странными везде,
Чужие средь различных станов
И не любимые нигде

Вы, обреченные судьбою,
Друзья, хранители огня,
Друзья, гонимые со мною
Враги сегодняшнего дня.

V

Куда нам, с нашей нищетою,
В сегодняшний стучаться день?
Над стадом вещей чернотою
Орлиная несется тень.

Война . . . Гражданское волненье . . .
— Но прочь! Вдоль темных берегов
Люблю воды глухое пенье,
Сиянье горных ледников.

Тропой кремнистой над обрывом
Иду один. Навстречу мне
Неумолкаемым приливом
Несутся тучи в вышине.

Чугун, гранит. Реки глухие воды.
Конец столетья — гордый пустоцвет,
Шум сборищ, воздух споров и свободы,
Закат, еще похожий на рассвет,

Садов Семирамиды увяданье . . .
Осенний дождь, туман и мокрый снег,
Тоска, безвыходность и состраданье —
Серебряный, но все ж великий век!

Мы научились принимать без позы
И свет и мрак. Увы! узнали мы
Арктические белые морозы,
Смертельные объятия Москвы.

Но здесь цветут блаженною весною
Каштаны вдоль бульваров, и закат
Над городской разрушенной стеною
Прекраснее былого во сто крат.

Вслед обреченной гибели Европе
Заря встает и утро свежесть льет,
И, не умея думать о потопе,
Офелия безумная поет.

Бредет, с полузакрытыми глазами,
Над омутом. И на его краю
С отчаяньем, восторгом и слезами
Я гибель и Офелию пою.

СТИХИ О ГРАНИЦЕ

1

Вьется челнок одинокий
Времени в ткацком станке,
Ветер шумит на востоке,
Тучи идут налегке.

И в облаках, искушая
Смелостью гибельный рок,
Ласточек легкая стая
Ищет пути на восток,

Смотрит в пространство пустое:
Неодолимо оно . . .
Сердце мое ледяное,
Бедное светом окно!

2

Хмуро надвинув наличник
Путь часовой сторожит.
Мимо столбов пограничных
Заяц не пробежит.

Зверю и человеку:
— «Стой!» — сиянье штыка.
Ветер сухой через реку
Низко несет облака.

В снежную русскую вьюгу,
В зимнюю трудную мглу,
Брату родному, другу:
— «Стой! Пропустить не могу!».

3

Ветром холодным снежным . . .
— Бьется шинель на ветру . . .
Снегом пушистым, нежным . . .
— Ближе к огню, к костру . . .

И над полями пустыми,
Громче, все громче, ясней,
Слышится чудное имя
Будущей славы твоей.

4

Россия! С тоской невозможной
Я новую вижу звезду —
Меч гибели, вложенный в ножны,
Погасшую в братьях вражду.

Люблю тебя, проклинаю,
Ищу, теряю в тоске,
И снова тебя заклинаю
На дивном твоем языке.

ИЗ ВОЕННОГО ЦИКЛА

I

Ночью, в бурю и мороз
Вылетает бомбовоз.

Летчик, парень молодой,
Забирает путь крутой.

Поднимается,
Приближается,
Метко целится
И снижается.

Раненые кричат — люди кричат,
Выстрелы, безпомощные, стучат,

Летчику горя мало:
— «На тебе!
Попало?»

Плачет женщина: «Ванюшка ведь!..»
Плачет девочка: убит медведь,
Медвежонок ручной — подвернулся,
На снегу лежит, растянулся.

Ну, потери что там считать!
Воевать, так воевать!

В страхе народ разбегается,
В темноте пожар разгорается,

Раз — налет
И еще налет —
Высоту берет
Самолет.

II

По реке не тронется летом ледоход,
Легконогой коннице не идти в поход.

Лапчатою цепью кован новый конь,
Грохот по дорогам от железных бронь.

А, бывало, конница ранним утром шла
С музыкою, с песнями, улицей села.

Где вы, годы старые, пики да султаны,
Черные гусары, синие уланы?

Конница, конница двигалась с утра . . .
Легконогой конницы кончилась пора.

III

В грозе, в дыму, Господь, благослови
И удостой в раю счастливой вести,
Грехов прощенья и Твоей любви
Безбожников и верующих вместе.

Одним покровом, Боже, осени,
Дай русским соснам их прикрыть ветвями,
Штыки, снаряды, пули отклони,
Незримый щит подняв над их рядами.

О, сколько алой крови на снегу!
Встают бойцы навстречу рати черной,
Стоят они, наперекор врагу,
России новой силой чудотворной,

России прежней славою былой,
Как некогда на Куликовом Поле,
В огне Полтавы, в битве под Москвой . . .

Благослови народ великий мой
В его великой трудности и боли!

Под музыку шла бы пехота,
Несли б на подушке кресты,
А здесь — на заводе работа,
Которой не выдержал ты.

Бесстрастную повесть изгнанья
Быть может напишут потом,
А мы, под дождя дребезжанье,
В промокшей земле подождем.

Моей жене

МУЗА

1

В Крыму так ярко позднею весною
На рейде зажигаются огни.
Моя подруга с русою косою
Над атласом склонялась в эти дни.

Шли корабли в морской воде соленой,
Весь мир следил за ходом кораблей;
Над темной бездной, над волной зеленой
Неслась надежда родины моей.

А девочке с глазами голубыми
И мальчику — тревога без конца:
Мечтали мы над картами морскими
И звонко бились детские сердца.

Потом — в дыму, в огне, в беде, в позоре
С разбитых башен русский флаг спадал —
И опускалась и тонула в море
Моя любовь среди Цусимских скал.

2

Ты помнишь вьюгу, суету вокзала,
И эту ночь, похожую на ад,
Когда в столице пушка грохотала
И выстрелы гремели с баррикад?

Ты помнишь путь — сугробы ледяные,
Палящий Юг и в бухте корабли,
И ту, что стала знаменьем России,
Полоску исчезающей земли?

3

Флаг развивался — хищный, дерзкий, смелый
Над Францией, униженной войной,
И радио, безумное, хрипело,
Фанфары выли в комнате пустой.

А ты с узлом в дверях тюрьмы стояла,
Ты мерзла в очереди под дождем,
Но восходило чудное начало
Звездой рождественской в снегу чужом.

Как в детстве, наклонялись мы с тобою
Над картой, — мы б не расставались с ней.
Спи, милая, с моею сединою,
Спи, милая, с любовию моей.

Ты можешь видеть чудные виденья,
Как потонувший Китеж под водой:
Пространства нет и нет разъединенья,
Нет лишних лет, страна моя со мной.

Туман над затемненною Москвою,
В кольце осады сжатый Ленинград,
Мой древний Крым — они перед тобою,
Они с тобой, как много лет назад.

4

Земля моя, за каменной стеною,
За крепким частоколом — не пройти:
Любить всю жизнь любовию одною —
И вновь — не Ты, и нет к Тебе пути!

Склонись опять над картой, с затрудненьем
Ищи слова, знакомые слова;
Ты, девочка моя, скажи с волненьем:
«Владивосток». «Орел». «Казань». «Москва».

Задумайся о славе, о свободе
И, как предвестье будущей зари,
О русской музе, о родном народе,
Поэтов русских строфы повтори.

1 ЯНВАРЯ 1950 г.

1

Да, воистину из ада
Наша музыка распада,
Разложенья, нищеты:
Ничего любить не надо,
Правды нет и красоты,
Нет надежды и спасенья,
Только гибель, только мщенье
На пороге пустоты.

О бессмыслице искусства,
О безвыходности чувства,
В сладкой музыке конца:
«Слезы, грезы, розы, розам . . .»

— Нет!
Стоградусным морозом
Вглубь до сердца прожжена
Страшная моя страна.

В кандалах, под ханским троном,
Слухом, болью обостренным,
Сердцем, горем просветленным,
Чутко слушает она . . .

Нет ответа.
Ночь темна.

2

Быть может, так повелено судьбою:
Настанет ярости Господней год,
И солнце над разрушенной Москвою
В багровом дымном облаке взойдет.

Быть может, все, что дорого нам было —
Века истории и наших муз сады
Сметет слепая атомная сила,
Страшней Батыевой орды.

Стада погибнут, одичают люди,
В пещерах станут мертвых хоронить,
И будет некому просить о чуде
И некому по-русски говорить.

3

Восстанет, восстанет Она
Из праха, из пепла, из тлена,
Ей новая будет дана
Победа до края вселенной.
Вы ризы делили Ее,
Вы кровью Ее торговали . . .
И с криком взлетит воронье
Над теми, кто падалью пали.

И после девятого вала
Подвижница Муза опять
Таинственно нас волновала,
Сердца заставляла звучать.

Пленительно-смутное пенье
Во тьме, в пустоте ледяной . . .
Так тянется к солнцу растенье,
Лишенное почвы родной.

НАД СЕНОЙ

Течет река, скользя меж берегами,
Как злая мутно-серая змея.
Ненужный сор уносится волнами,
И для чего с моста склонился я?

Всегда все то же: лодки у причала,
Чужой гранит и грязная вода,
А молодость прошла и жизнь пропала,
Как будто ты и не жил никогда.

Нам суждено стать жертвами забвенья,
Дышать с трудом, надеяться и ждать
И, не дождавшись, все свое презренье
И ненависть потомкам передать.

— «В чем оправданье вам?» — потомки скажут
— «Вы волю предали родной земли
В те дни, когда мы всенародно тяжесть
Великих бедствий на себе несли».

— Что им ответить? Точно ль мы такие?
Но, может быть, судьба не солгала,
И все-таки поэзии России
Душа такой же странницей была?

ЭПОХА

Эпоха отлетела в Лету,
Былая музыка, прости!
Теперь старинные заветы
От печенегов не спасти.

Пусть в мировом переполохе
Нас рок неотвратимый мчит,
Все ж, непокорная эпохе,
Былая музыка звучит.

И чуть на миг звезда надежды
Над морем вспененным взойдет,
Вновь Арион свои одежды
Просохнуть на скалу кладет.

И, позабыв землетрясенье
И пламя гибели, опять
Готов хвалу и песнопенье
Рассвету новому слагать.

Шумят в подполье карбонары:
«Мы каждый день событий ждем»,
А Зевса щедрого динары
К Данае сыплются дождем.

Нет дела им до русской боли,
А там, по-прежнему, страна
Мечтает о «земле и воле»
И верит призракам она.

И только кое-где по снегу
Кровавый след ведет в тайгу
И ветер скифскую телегу
Покачивает на бегу.

Над Атлантидой погребенной
И над Атлантикой с земли
В полет космически-взметенный
Ракеты мечут корабли.

Луна любимая, простая,
«Подруга дней моих, луна»,
Я уношусь, я улетаю
И ты мне больше не видна.

Луна, владычица влюбленных,
Луна, старинная луна,
Свети во тьме ночей бессонных
«Сквозь раму тусклого окна!»

Но огненным движеньем пишет
Перст пламенеющий, как встарь:
«Ты — мѐне, тѐкел, фàрес — слышишь? —
Ты осужден на гибель, царь!»

И небывалое крушенье
Уже готово встать со дна.
О, неужели нет спасенья,
И вся земля осуждена?

СОДЕРЖАНИЕ

I

II

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«ЛУЧШИЙ ЗВУК», стихи. Изд. «Милавида»,
Мюнхен, 1926 (распродано).

«БЕССОНИЦА», стихи. Изд. «Парабола»,
Берлин, 1935 (распродано).

«НА ВЕТРУ», стихи. Изд. «Современные Записки»,
Париж, 1938 (распродано).

«ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕСТНЫЙ КРАЙ», повесть.
Изд. «Дом Книги», Париж, 1946.

«СТРАНСТВИЕ ЗЕМНОЕ», стихи. Изд. «Рифма»,
Париж, 1950.

«ВСТРЕЧИ», воспоминанья и статьи. Изд. им. Чехова,
Нью-Йорк, 1953.

НОВИНКИ НАШЕГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА:

1.	**Аверченко Аркадий.** — Избранное. 178 стр.	$ 2.00
2.	**Альтшуллер Гр.** — Дело Тверитинова. Истор. роман, книга I, 320 стр.	$ 3.25
3.	” книга II, 300 стр.	$ 3.25
4.	**Вертинский А** — Песни и стихи (1916—1937). 100 стр.	$ 1.25
5.	**Гумилев Н.** — Собрание соч. в 4-х томах. Т. I, 325 стр.	$ 3.50
6.	**Иванов В. и Гершензон М.** Переписка из двух углов. 62 стр.	$ 1.00
7.	**Петров В. П.** — Китайские рассказы. 58 стр.	$ 0.85
8.	” Сага Форта Росс. Кн. I, 182 стр.	$ 1.85
9.	” Сага Форта Росс. Кн. II, 192 стр.	$ 2.00
10.	**Соловьев В.** — Сергей Горбатов. Истор. роман, кн. I II	$ 4.50
11.	” Вольтерьянец. Истор. роман, кн. I и II	$ 5.00
12.	” Старый дом. Истор. роман, кн. I и II	$ 5.00
13.	**Сологуб Ф.** Одна любовь. Стихи, 60 стр.	$ 1.00
14.	**Терапиано Ю.** — Избранные стихи. 112 стр.	$ 1.25
15.	**Шпаковський А.** — На путях жизни и мысли. Стихи.	$ 1.00

ПЕЧАТАЮТСЯ:

16. К столетию посещения русской эскадрой США. Сборник.
17. **Баронесса Врангель Людмила.** Воспоминания и стародавные времена.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

18. **Нина Федорова** — Жизнь. Роман.
19. **Нароков Н.** Могу! Роман, 400 стр.
20. **Маевський Вл.** — Исторические очерки.
21. **Скаутский сборник.** (К 50-летию основания организации).
22. **Соловьев В.** — Изгнанник. Истор. роман, 2 книги.
23. ” Последние Горбатовы. Истор. роман, 2 книги.
24. **Гумилев Н.** Собрание сочинений в 4-х томах. Том II.
25. **Филиппов Борис** — Живое прошлое. (О русской литературе и культуре).